

ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ ПОЭМЫ-СКАЗКИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «ЦАРЬ-ДЕВИЦА» В ЗЕРКАЛЕ СРАВНЕНИЙ: ЦАРЬ-ДЕВИЦА И ЦАРЕВИЧ

И. А. Пушкарёва, В. В. Козина

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Новокузнецк

Введение. Рассматривается семантико-стилистическая система сравнений в поэме-сказке М. И. Цветаевой «Царь-Девуца».

Цель – соотнести особенности сферы-источника и сферы-мишени, соответствующих сравнениям в поэме-сказке М. Цветаевой, с характеристиками образов Царь-Девуцы и Царевича.

Анализ сравнений основан на теории ассоциативности художественного слова, разрабатываемой в коммуникативной стилистике текста, и когнитивной теории метафорической речи. В применении к сравнениям сфера-мишень (А) – то, что сравнивается, его смысловые признаки, сфера-источник (В) – то, с чем сравнивается А. Сфера-источник является в сознании адресанта реакцией на сферу-мишень, а в сознании адресата – стимулом для формирования ассоциативного поля сферы-мишени. Ассоциативность – одно из важнейших качеств художественного слова, позволяет адресанту и адресату соотнести две сферы (А и В) на определенном основании (С), которое и становится ключом к эстетическому смыслу.

Материал и методы. В ходе анализа использовались семантико-стилистический и статистико-стилистический методы. В системе сравнений отражаются важные характеристики ключевых образов поэмы. Это касается и соотношения сферы-мишени и сферы-источника, а не только способов и средств выражения сравнения (например, в представлении Царь-Девуцы повышена роль творительного сравнительного, передающего яркость, резкость, динамичность, тогда как в воплощении образа Царевича усиливается роль сравнительных союзов с ирреальной модальностью, помогающих выразить смысл неприкаянности героя, его несовместимости с миром материальным).

Основные результаты. В результате исследования сделаны выводы о том, что при сопоставлении сферы-мишени сравнений, представляющих Царь-Девуцу и Царевича, интегральным смысловым признаком выступает необычность, иномирность героев, однако природа этой иномирности различна: солнечная (семантика жизни, энергии, тепла) у Царь-Девуцы и лунная (семантика ирреальности, физической немощи, холода) у Царевича. В соответствии с этой центральной оппозицией соотносятся и другие смысловые признаки, входящие в сферу-мишень: тип красоты и сила. Дифференциация образов по характеристикам сферы-мишени включает различие таких смысловых доминант, как сила любви (у Царь-Девуцы) и творчество – струнное рукоделие (у Царевича).

Заключение. Сфера-источник отражает ассоциативное богатство поэтического мира М. Цветаевой. Эстетическое содержание сравнений М. Цветаевой неисчерпаемо. Однако анализ сравнений на основе подходов коммуникативной стилистики текста и когнитивной лингвистики позволяет охарактеризовать сравнения как семантико-стилистическую систему.

Ключевые слова: *идиостиль М. Цветаевой, поэма-сказка «Царь-Девуца», сравнение, сфера-источник, сфера-мишень.*

Введение

«Вряд ли будет преувеличением сказать, что самый глубокий, исходный пласт цветаевской поэтической системы наиболее эксплицитно выражен в поэме-сказке „Царь-Девуца“, – так начинается работа Ежи Фарыно о поэме-сказке, рассмотренной в аспекте мифологизма и теологизма Цветаевой [1].

Поэма-сказка привлекает внимание филологов, исследующих цветовую картину мира М. Цветаевой и лексику предельности [2], символическое содержание образа лазури [3], культурный генезис образа девы-воительницы [4–6], христианские мотивы в поэме [7]. Однако не существует отдельного исследования семантико-стилистической системы сравнений в поэме-сказке «Царь-Девуца».

Материал и методы

Рассмотрим связь сравнений с образами центральных персонажей, учитывая как подходы отечественной стилистики к описанию способов и средств выражения сравнения (см. о них: [8, с. 141–143; 9, с. 224–230; 10, с. 356–357; 11–14]), так и достижения когнитивистики – соотнося характеристики героев со спецификой сферы-источника и сферы-мишени.

С одной стороны, еще А. И. Ефимов говорит о значимости изучения сравнений в их связи с «теми сферами жизни, откуда черпаются образы» [9, с. 225]. Например, на основе такого анализа современный исследователь Н. А. Прокуденко рассматривает компаративную картину войны в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» [13]. С другой стороны, интересные акценты в анализе срав-

нений позволяет сделать теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [15]. «В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» [16, с. 22]. В применении к сравнениям сфера-мишень (А) – то, что сравнивается, его смысловые признаки, сфера-источник (В) – то, с чем сравнивается А. Сфера-источник является в сознании адресанта реакцией на сферу-мишень, а в сознании адресата – стимулом для формирования ассоциативного поля сферы-мишени. Ассоциативность, рассматриваемая коммуникативной стилистикой текста «в качестве универсального интегрального коммуникативного свойства слова» [17, с. 13] (см. также: [18, 19]), позволяет адресанту и адресату соотносить две сферы (А и В) на определенном основании (С), которое и становится ключом к эстетическому смыслу.

Поэма-сказка «Царь-Деввица» написана в 1920 году, который является переломным для творчества Цветаевой. Конец 1910-х гг. в творчестве поэта ознаменовался периодом романтического театра [20, с. 153–179]. Поэт находится на уровне познания мира, связанном с «введением различных ипостасей (ролей) лирического субъекта», с «широким обращением к тематически ориентированным» произведениям [21, с. 189]. Согласно периодизации О. Г. Ревзиной, 1920 год относится к третьему этапу (1917–1921 гг.) в развитии поэтического идиолекта М. Цветаевой [22, с. 306].

В этот период наряду с чистым «Я»-субъектом значимы ролевой субъект и субъект неперсонифицированный, передающий коллективное сознание; «возрастает значение адресованности – не только внутреннего адресата как участника ситуации, но и внешнего адресата – участника диалога, собеседника, с апелляцией к его сознанию, его модели мира» [22, с. 314]. Характеризуя тематическую составляющую произведений этого периода, О. Г. Ревзина отмечает роль событийного мира 1917 г., роль любовно-психологического дискурса, а также значимость темы человеческих взаимоотношений и темы поэта. В творчестве М. И. Цветаевой этого периода, по словам О. Г. Ревзиной, важно «художественно-поэтическое многоголосие» [22, с. 320]. Поэма-сказка «Царь-Деввица» являет собой поэтический опыт освоения народного голоса.

А. А. Саакянц отмечает, что летом 1920 г. М. Цветаева была «поглощена замыслом большого эпического произведения на фольклорный сюжет – поэмы-сказки о деве богатыре, Царь-Деввице» [20,

с. 208]. Она ее написала за два месяца: «с 14 июля по 17 сентября на одном дыхании» [20, с. 211]. В основе сюжета поэмы лежит сюжет сказки из сборника Афанасьева. Из очерка «Нездешний вечер» (1936 г.), описывающего события января 1916 г., узнаем, что собрание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева подарили Цветаевой С. И. Чацкина, издательница журнала «Северные записки», и ее муж [4, с. 72]. Однако изначальный сюжет претерпевает существенные изменения: «Цветаева отталкивалась от сказки Афанасьева „Царь-Деввица“ – двух ее вариантов. Там рассказывается о любви Царь-Деввицы к молодому Царевичу-гуслиарю (по другому варианту – купеческому сыну), о вмешательстве коварной мачехи Царевича и злого колдуна, о разлуке Царь-Деввицы с любимым, о поисках ее Царевичем; все венчает счастливый конец. Цветаева взяла лишь первую часть сказки (кончая разлукой героев) и сотворила свой эпос» [20, с. 211].

За сказочными декорациями А. А. Саакянц видит главный конфликт поэмы, определяя его как трагедийный, воплощенный в фольклорной поэтической символике: Царь-Деввица – Солнце, Царевич – Месяц; их встреча невозможна [20, с. 212–213]. С другой стороны, исследователь характеризует и иной содержательный план поэмы, во многом личный для Цветаевой: «Царь-Деввица вполне живая: она цельна душой, великодушна сердцем, сильна духом, беззащитна в чувствах, бескомпромиссна в поступках. Цветаева привнесла в поэму много личного, выстраданного – под ее пером оно переросло в общечеловеческую, извечную коллизию. Ее Царевич – воплощение *недо*-личности и *недо*-чувств» [20, с. 215]. В размышлениях А. А. Саакянц присутствует уничижительная характеристика собирательного мужского образа: «Воплощение мужского „убожества“, которое заставляет страдать женщину, – вот кто ее Царевич-гуслиарь» [20, с. 215].

Согласимся с исследователем в том, что в поэме-сказке происходит «органическое слияние „цветаевского“ и фольклорного, поэтического искусства и народного простодушия» [20, с. 216].

Результаты исследования

Текст поэмы-сказки М. Цветаевой «Царь-Деввица» насыщен сравнениями: в ходе анализа их было выявлено более 200. Такое обилие можно объяснить «деривационным» поэтическим мышлением М. Цветаевой, «фольклорным» периодом в творчестве поэта и ролью сказочного начала в произведении. Сравнения (в том числе конструкции со сравнительными союзами, творительный сравнительный, отрицательное сравнение, образный параллелизм, неопределенное описание) помогают

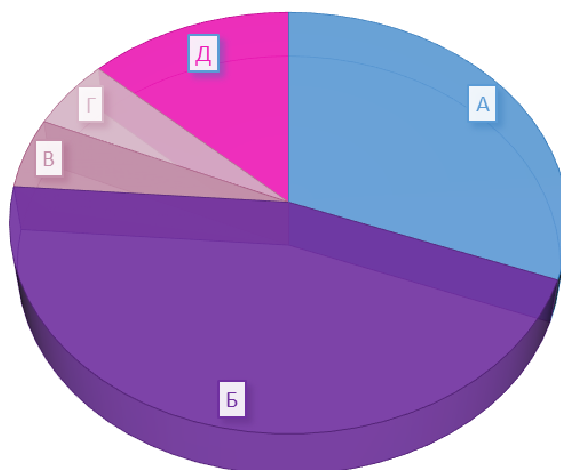

Рис. Связь сравнений с образами: А – Царь-Девуца; Б – Царевич; В – Мачеха; Г – Царь; Д – другие случаи

ярко воссоздать сказочный мир, в то же время сохраняя эстетическую дистанцию между миром обычным и миром волшебным, оставляя эффект невыразимости, пробуждая фантазию читателя.

Количественные характеристики употребления сравнений создают неожиданную (на первый взгляд) картину: больше всего сравнений связано не с главным образом Царь-Девуцы, а с образом Царевича (рисунок). В представлении образа Царь-Девуцы с помощью сравнений важны такие сферы-мишени, как необычность (иномирность), солнечная, жаркая природа героини, красота свободного, вольного существа, богатырская мощь, сила любви. В представлении образа Царевича с помощью сравнений важны такие сферы-мишени, как необычность (иномирность), лунная природа героя, изящная, нежная красота, физическая немощь, творческое начало.

Первое появление Царь-Девуцы в поэме-сказке происходит в колдовском видении: *Посередке же, с простертой рукой – / Не то Ангел, не то Воин какой. // Что за притча? Что за гость-за-сосед? / Не то в латы, не то в ризы одет!* [23, с. 192–193]. Здесь М. Цветаева использует такую форму сравнения, как неопределенное описание, которое в поэме часто облекается в вопрос. Сфера-источник с самого начала не обладает четкостью экспликации: это и семантика божественного (*Ангел, ризы*), и семантика военного (*Воин, латы*). Условное имя собственное *Воин*, создавая возвышенную окраску, воплощает образ не обычного, а великого воина (Е. Фарыно соотносит образ Царь-Девуцы с Архангелом Михаилом). Появление Царь-Девуцы в произведении связано с символическими образами моря и корабля. Она, выбравшая гусяра, приплыла из другого мира на чудесном корабле. Образ «Жар-Корабль» из видения колдуна с помощью народно-поэтического эпитета соотносится с семантикой чудесного, прекрасного, сверкающего, вызывающего ассоциации с теплом, огнем, солнцем.

Во второй раз Царь-Девуца увидена Мачехой, которая пришла к колдуну молить о помощи, желая обрести любовь пасынка (переключки с образами Федры и Ипполита, значимыми для М. Цветаевой; см. [24, р. 182]). Колдовство продолжается, и Мачеха рассматривает Деву, воспринимая ее как свою соперницу: *Душу сперло в груди! / Дева всех впереди! / Великановый рост, / Пояс – змей-самохлест, / Головою до звезд, / С головы конский хвост, / Месяц в ухе серьгой...* [23, с. 194]. Образ богатырши дополняет такая деталь, переданная творительным сравнительным, как месяц, в качестве украшения. Подчеркивается волшебное, небесное происхождение героини, обнаруживается родство образу Царевны из «Сказки о царе Салтане...» А. С. Пушкина: *Месяц под косой блестит...* Месяц становится лейтмотивом текста, связанным как с вертикалью художественного пространства, так и с ирреальностью всего происходящего. Хотя в целом лейтмотив месяца связан с другим персонажем поэмы-сказки – Царевичем.

В связи с образом Царь-Девуцы сравнения актуализируют другой лейтмотив – солнца. Солнце – «небесное светило, почитавшееся славянами как источник жизни, тепла и света» [25, с. 361]. Как известно, солярные ассоциации в традиционной культуре соотносятся с мужским началом. Царь-Девуца – солнечная, ясная, прекрасная, спасающая, согревающая, ее появление передают образы, ассоциирующиеся с теплыми и сверкающими оттенками: *С подсолнечником равен лик* [23, с. 202]; *А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой, / Что там за Воин – за Ангел – за Демон такой?* [23, с. 205]; *То не солнце по златым ступеням – / Сходит Дева-Царь по красным сходням* [23, с. 207]; *Руки в боки – ровно жар-самовар! / Зычным голосом речет: «Где гусяр?»* [23, с. 207]; *Не видали вы такого руна! / Каждый волос – золотая струна!* [23, с. 213]; *Радость – молнией / В гла-*

зах, – золотом! [23, с. 233]; Словно кто на лоб ей выжал / Персик апельсинный [23, с. 234]; ... красное солнце / Мне – яблочком в рот (воспоминание Царевича о солнечном поцелуе Царь-Девыцы) [23, с. 237]. Комплекс сравнений актуализирует семантику солнца и золота в эпизоде последнего появления Царь-Девыцы в тексте – в видении Царевича: И дивного мужа под красным шатром / Он видит – как золотом-писанный-краской! [23, с. 262]; Да как рассмеется так вот откровенно, – / Как новое солнце взойшло во вселенной! [23, с. 262]; Как лев златогривый стоит над щенком... [23, с. 262]; По грозному небу – как кистью золотой – / Над Ангелом – Воин из стали литой [23, с. 263].

С мотивом солнца переплетается мотив огня, который в связи с образом Царь-Девыцы передает ее энергию, силу, соответствует мелиоративному началу в амбивалентной семантике огня в народной культуре: «стихия очищающего пламени, несущего свет и тепло, воплощающего творческое, активное начало» [25, с. 284]. Сравнения на протяжении всего текста подчеркивают богатырство Царь-Девыцы, противопоставляя в этом плане ее образ образу Царевича: Грудь в светлых латах, лоб – обломом [23, с. 202]; Греми громopodobный глас [23, с. 202]; Пот – градом сквозь пожар ланит [23, с. 203]; Ростом-то – баиня, в плечах-то косая сажень! [23, с. 205]; Говорит – как рубит [23, с. 254]. Развернутая характеристика внешности и поведения Царь-Девыцы представлена в словах няньки: Погляжу на кудри гривой, / Погляжу на взор пожаром... [23, с. 199]; ...Полно / Ржать-то, ровно кобылица! [23, с. 200]. Яркость, резкость, динамичность неоднократно передаются творительным сравнительным. В приведенных примерах мы встречаем комплекс приемов: наряду со сравнениями важны звукопись, эллипсисы, поэтические переносы.

Сила в Царь-Девыце сочетается с красотой, воплощенной, в частности, в сравнениях героини с птицей (ассоциации со свободой, близостью к небесному миру): Белой птицею махнула [23, с. 202]; Ровно жаворонок звонкий / Вкруг меня ликовал [23, с. 214]; То не пташечка-резвушка / Ликовала, – / То тебя твоя подружка / Миловала [23, с. 214] (Царевич вспоминает о встрече с Царь-Девыцей). Трижды используется сравнение с орлицей – в эпизоде разговора с Ветром и в эпизодах взглядывания в любимого: Взор свой – как орлица клюв – / В спящего вонзает [23, с. 233]; Не орел с орлицей / В спор-вступили-схват: / Крылья рвет – Девыцын / Нареченный брат [23, с. 256]; Над орленком своим – орлица, / Над Царевичем – Царь-Девыца [23, с. 259].

Сравнения тонко передают мир чувств героини. Одной из эмоционально насыщенных в тексте является сцена прощания с конем. Отметим, что образ богатырского коня традиционно значим для

эпоса народов мира. Конь является «атрибутом высших языческих богов (и христианских святых)» [25, с. 228]. Сцена прощания с боевым другом наполнена любовью и нежностью, передана с помощью народно-речевой стихии: Как дружок за загривок брала, / Сахарочку в рот брусочек клала, / Целовала как, огня горячей, / Промеж грозных, промеж кротких очей... [23, с. 204]; И еще мы прибавим к сему, / Как все слезки до единой ему / Целовала – ровно брат-ей-жених – / С карих ласковых очей дорогих... [23, с. 205].

Безусловно, важнейшая тема, актуализированная сравнениями, – тема любви к Царевичу. Радость от слушания игры Царевича на гусях, от взглядывания в его облик передается сравнениями в народно-поэтическом стиле, связанными с темой еды и питья: Ту песенку прослушала – / Как яблочка откушала. / Звон струнный вобрала – / Как брагой запила [23, с. 231]; Да мне твой взор и спящий, / Всех царств небесных – слаще! [23, с. 260]. Это любовь сильная, страстная и в то же время по-матерински нежная: Аукала, азукала, / На жар-груди баюкала, / В кудрях тигрицей рыскала, / В лицо водницей прыскала [23, с. 215]. Сравнения подчеркивают смущение и целомудренность Царь-Девыцы: И, зардевшись пуще каски своей, / В лоб целует – промеж ровных бровей [23, с. 212]. Эта любовь в поэтическом мире М. Цветаевой, где царит беспредельность, передается гиперболическими образами и семантическим контрастом: Ломовым ей дышлом / В грудь – напев чуть слышный [23, с. 257].

Комплекс сравнений помогает описать вторую ночь – драматизм сцены, смену оттенков чувства, когда радость Царь-Девыцы от того, что она видит любимого, сменяется страхом за его жизнь, страстным желанием прервать его сон: Радость – молнией / В глазах, – золотом! / Радость – молнией! / Горе – молотом! [23, с. 233] (эллипсис, парентеза, параномазия, антитеза, синтаксическая эпифора, поэтический перенос; творительный сравнительный передает стремительную смену состояний): Как бы листвою / затресся дуб. // Как пес цепной / Смех – с дерзких губ. // «Агу, агу, младенец!», / Хочет, подбоченясь. // Все – как метлою замела! / Все – как водою залила! [23, с. 234]; Не бывало, чтоб смолою / Плакал дуб! / Так, слезица за слезою, / Золотые три дороги / от истока глаз широких, / К устью губ [23, с. 234]; Словно кто на лоб ей выжал / Персик апельсинный. / Апельсинный, абрикосный, / Лейся сок души роскошный... [23, с. 234] (безудержный смех богатырши переходит в плач; сравнения характеризуют действия, усиливая динамику изложения); На кафтан его причастный / Лик безгласный – кровью красной / Капай, смола! // Кровью на немую льдину... / Растопись слезой, гордыня, / Камень-скала! [23, с. 235] (градация

чувства передается колоративной лексикой: оттенки золотого, желтого переходят в красный, цвет крови и страсти, противопоставленный белой одежде Царевича, льду его не-отклика).

Кульминационная сцена – «Встреча третья и последняя». Уже по названию мы знаем, что Царь-Девуца не обретет отклик Царевича. Ее уход из мира сопровождается грозой, сливается с образом Ильи-пророка, едущего на колеснице: *Молнией поднялась, / Грудь-разломила-сталь* [23, с. 261]; *Красен рубахи холст, / Как кровавая – хлябь...* [23, с. 261]. Образ молнии, соотносящий разные отрезки текста, представляет различные этапы жизни героини: ее воинскую доблесть – период до познания любви, ее радость и горе в период любви к Царевичу и ее уход из жизни, сливающийся с образом грозы. Во всех случаях используется творительный сравнительный, передающий стремительность действия. Образ грозы становится сквозным в сравнениях, представляющих Царь-Девуцу, и соотносится с семантикой мощного, яркого, грозного, небесного. Так, гром в народной культуре – «карающее орудие небесных сил» [25, с. 151].

Установим соответствие сферы-мишени и сферы-источника сравнений, создающих образ Царь-Девуцы, проиллюстрировав выводы примерами лексических репрезентантов: 1) необычность (иномыриность): сфера-источник – мифические существа (*Ангел, Демон*), астрономические объекты (*месяц*), природные явления (*молния, гром*); 2) солнечная, жаркая красота: сфера-источник – природные явления (*солнце, молния*), стихийное явление (*пожар*), драгоценный металл (*золото*), растительный мир (*подсолнечник, персик, апельсин, абрикос*), артефакты (*самовар, золотая струна*); 3) красота свободного, вольного существа: сфера-источник – животный мир (названия птиц: *орлица, жаворонок*, гиперонимы: *птица, пташечка* – и животных: *тигрица, лев, кобылица*); 4) богатырская мощь: сфера-источник – природные явления (*гром, волна*), растительный мир (*дуб*), животный мир (*кобылица, тигрица, лев, пёс*), артефакты (*башня, метла*), металл (*сталь*); 5) сила любви: сфера-источник – животный мир (*орлица над орленком*), природные и стихийные явления (*пожар, огонь, волна*), пища и напитки (*яблоко, брага*), артефакты (*дышло, молот*), физический компонент живых существ (*кровь*).

Преобладание в тексте сравнений, представляющих именно образ Царевича, а не заглавный образ Царь-Девуцы, можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, он тесно связан с образом Царь-Девуцы, и большая часть случаев описания Царевича включена в эпизоды разглядывания его любящей женщиной. Во-вторых, именно с Царевичем связаны основные коллизии – любовь

Царь-Девуцы и страсть Мачехи. В-третьих, Царевич является частью «мира лазури» М. Цветаевой – мира небесного, бытийного, духовного.

Царевич с первых страниц поэмы-сказки предстает перед нами спящим. Он увиден глазами влюбленной в него Мачехи: *Спит Царевич, распростерся, / Спит, не слышит ничего, / Ровно палочкой уперся / Месяц в личико его. // Соврала, что палочкой: / Перстом светлым, пальчиком* [23, с. 190].

С самого начала образ Царевича сопрягается с образом месяца: используется сравнительный оборот с союзом *ровно*. Согласно словарю «Славянская мифология», «луна, месяц – небесное светило, устойчиво ассоциирующееся в народных представлениях с загробным миром, с областью смерти и противопоставленное солнцу как божеству дневного света, тепла и жизни» [25, с. 245]. Спящий и связанный с месяцем Царевич в этом плане не только противопоставляется действующей и солнечной Царь-Девуце, но и несовместим с нею: Солнце восходит, когда на небосводе нет Луны. Самопоправки Мачехи, переданные синонимическим рядом *перстом – пальчиком*, выражают одухотворенность Царевича и нежность к нему Мачехи.

Через весь текст проходит сравнение Царевича с лебедем: *Шея лебедем, высок, белогруд* [23, с. 192]; *Лежит Царевич мой бессонный, / Как лебедь крылья разбросал* [23, с. 195]; *Не Царевич к челну – лебедь к лебедю льнет* [23, с. 228]. Лебедь – воплощение красоты, величественности, благородства, чистоты. Красота, нежность, хрупкость – постоянные характеристики Царевича, передаваемые сравнениями: *глаза – синей василечков, синей конопилы* [23, с. 236]; *Рот у мальчика – что розан пурпуровый!* [23, с. 237]. Царевич не просто строен, а тонок: *Стан – рюмки стройней!* [23, с. 241]; *Тонее тросточки* [23, с. 209]; *стройнее сосенки* [23, с. 209]. В его образе воплотилось все то, что противопоставлено грубости, телесности: *Что шелка – щека, / Что шелка – рука!* [23, с. 211].

Нежность и хрупкость оборачиваются слабостью, отсутствием жизненных сил, что видят окружающие и чувствует сам Царевич: *Все-то нежат день-деньской, / Тешат, нянчат, – / Ровно цветик я какой, / Одуванчик* [23, с. 196]; *Как цветочек! / Смотреть-то жалость!* [23, с. 264]; *Вкруг очей – что обручи, / Набились круги* [23, с. 197]; *Руки-ноги слабые, / Как есть – лапша!* [23, с. 197]; *Где глаза лазурные? / Две черных дыры* [23, с. 197]; *Снеговее скатерти, / Мертвец – весь сказ!* [23, с. 197]; *Киньте в воду – пробочкой / Поверх всплыть* [23, с. 197]; *Ровно столб туманный, / Аль дымок степной...* [23, с. 198]; *Не дитя, – дымочек-дым! / Словно кто мне налил жилы / Светом месячным сквозным* [23, с. 230].

В характеристике Царевича особенно заметно повышение роли сравнительных союзов с ирреальной модальностью. Основные цвета, связанные с образом Царевича, – синий и белый. Среди оттенков синего в творчестве М. Цветаевой выделяется цветообозначение *лазурь* и его дериваты. Для А. Б. Тарасова лазурь в творчестве М. Цветаевой – это мир мечты, свободы от быта [3]. Л. В. Зубова отмечает, что «пространство синее соотносено с “верхним” миром, с небом, с вознесением»; «цветообозначения синего и лазурного выступают в этом случае как синонимы; слова *лазурный, лазурь*, как традиционные поэтизмы, представляют собой более высокую ступень абстракции»; «лазурь – символ духовного начала» [2, с. 132]. В монографии Л. В. Зубовой образ Царевича упоминается как раз при характеристике семантики лазури: «духовная сущность Царевича-гусяря представлена в контексте смертельной телесной немощью, определяемой как вообще его образом в поэме» [2, с. 132]. Бросившийся в море Царевич соединяется с миром лазури.

Высокой экспрессией обладают образы, передающие невыраженность в Царевиче мужского начала: *Не жених, а стебель шаткий!* [23, с. 230]; *Отчего на бабьи речи / Весь – как ржавый замок?* [23, с. 196]. Женская страсть отталкивает Царевича, лишает его свободы: *То не девица в когтях у черной немочи – / то Царевича у женских уст застеночек* [23, с. 246]. Экспрессия усиливается с помощью приема контраста, который противопоставляет бесстрастного, холодного, слабого Царевича любящим его женщинам: *У тебя ж, паренька, / Как ледышечка – рука!* [23, с. 219], а у Мачехи: *Ровно жар в руке – рука-то!* [23, с. 220]. Особенно много контрастов с Царь-Девницей: *рука Царевича – как суха корочка* [23, с. 209]; *Твоя-то – перышко, / Моя-то – лапища!* // *И каждый пальчик-то / Как царь закованный!* / *А моя – черная / Да бесперстневая!* [23, с. 209] (образ рук в творчестве М. Цветаевой соотносится с темой человеческих отношений, связи); волосы Царевича сравниваются со льном (в народной культуре это сравнение характерно для описания детских волос): *Твои-то тонкие, / Лен, волосенки-то!* / *А мои – конские, / Что струны – звонкие!* [23, с. 209] (субъективное восприятие основано именно на контрасте с собой: Царь дает совершенно иную характеристику: *И кудри-то – шапкой!* [23, с. 241]).

Контраст сохраняется и в заключительном видении Царевича, когда образ его встречи с Царь-Девницей переводится на уровень метафизический. С одной стороны, в земном измерении, видится контраст величия Царь-Девницы и немощи Царевича: *Как лев златогривый стоит над щенком...* [23, с. 262]. С другой стороны, в небесном измерении

Царевич предстает как Ангел: *По грозному небу – как кистью золотой – / Над Ангелом – Воин из стали литой* [23, с. 263]. Еще до действия заколдованной булавки Царевич устремился к выси *золотых облаков Господних: То не два крыла – / В золотой костер, / То Царевич наш / Две руки простер* [23, с. 258]; *К гусярю простерты длани, / За плечьми просторами / Разошлась двумя крылами / Рать золотоперая...* [23, с. 259]. Царевич обретает спасительный для него мир – мир лазури. Царь-Девница открыла для него путь в этот мир ценой жертвы. Она трижды пыталась пробудить Царевича от колдовского сна. И после ухода из мира материального Царь-Девница герой также уходит в мир лазури, частью которого чувствовал себя всегда, оставаясь в мире материальном неприкаянным (Е. Фарыно трактует локус, где находится царство, как подземный мир).

Колдовской сон Царевича становится сквозной темой текста, эксплицированной с помощью большого количества сравнений, которые актуализируют семантику слабости и зависимости, неодолимых колдовских чар: *Ляжет парень смирней травиночки!* [23, с. 195]; *Хочет встать, а сон-то клонит, / Как ягненок на травку, / Как купца валит к прилавку...* [23, с. 207]; *Уж руки как гири, // Уж ноги как гири* [23, с. 232]. Дева-спасительница совершила чудо, освободила Царевича, только свобода эта в мире материальном невозможна.

Свобода на земле реализуется как творчество. Царевич – гусляр. Именно гусляра полюбила Царь-Девница, замороженная его искусством. Царь заставляет Царевича целовать Мачеху, грозя разбить гусли. Сравнения показывают, что гусли – самое дорогое, что есть у Царевича, что игра его на гусях полна оттенков, переливов, энергии, жизни: *Ну, а этим уж именем / Пуще хлеба дорожил...* [23, с. 257]; *Словно месяц в полнолуние – / Звон собой все море занял* [23, с. 206]; *Пробежался по струнам ветерком* [23, с. 240]; *Разжужжался, что шмелиха-пчела* [23, с. 240]; *Заиграл сперва гусляр так-от легонечко, / Ровно капельки шумят по подоконничку* [23, с. 242]; *Ровно зернышки посыпались-жемчужинки* [23, с. 242]. Оставаясь неприкаянным в мире материальном, Царевич обретает жизнь в своем искусстве.

Установим соответствие сферы-мишени и сферы-источника сравнений, создающих образ Царевича, проиллюстрировав выводы примерами лексических репрезентантов: 1) необычность (иномысленность): сфера-источник – церковно-религиозная сфера (*Ангел, крылья, ягненок, турман, причастный кафтан, ладан, свеча*), астрономические объекты (*месяц*), цветообозначения (*синий, лазурь, лазурный, золотой*); 2) лунная природа: сфера-источник – астрономический объект (*месяц*), дра-

гоценный металл (*серебряный*); 3) изящная, нежная красота: сфера-источник – растительный мир (*тросточка, цветочек*, фитонимы: *лен, сосенка, василечки, конопля, розан*), животный мир (*лебедь, птицы, лань*), артефакты (*шелк, рюмка*); 4) физическая немощь: сфера-источник – растительный мир (*травиночка, одуванчик, стебель шаткий*), артефакты (*ржавый замок, обручи, скатерть, пробочка, гири*), пища (*лапша, суха корочка*), люди (*девушка, царь закованный, купец*), ситуации (*отца хоронит, обронит ножку с сапожком*), природные явления (*снег, ледышечка*), наблюдаемые физические явления (*дым, столб туманный*), животный мир (*ягненок, щенок, орленок, коршунок*); 5) творческое начало: сфера-источник – драгоценные камни (*жемчужины*), природные явления (*ветерок, капельки*), животный мир (*шмелиха-пчела*), пища (*хлеб*).

Выводы

Таким образом, отметим, что в системе сравнений отражаются важные характеристики ключевых образов поэмы. Это касается не только способов и средств выражения сравнения (в представлении Царь-Девуцы повышена роль творительного сравнительного, передающего яркость, резкость, динамичность, тогда как в воплощении образа Царевича усиливается роль сравнительных союзов с ирреальной модальностью, помогающих выразить смысл неприкаянности героя, его несовместимости с миром материальным), но и соотношения сферы-мишени и сферы-источника. В сопоставлении сферы-мишени интегральным смысловым признаком выступает необычность, иномирность героев, однако природа этой иномирности различна: солнечная (семантика жизни, энергии, тепла) у Царь-Девуцы и лунная (семантика ирреальности, физической немощи, холода) у Царевича. В соответствии с этой центральной оппозицией соотносятся и другие смысловые признаки, входящие в сферу-мишень: тип красоты и сила. Дифференциация образов по характеристикам сферы-мишени включает различие таких смысловых доминант, как сила любви (у Царь-Девуцы) и творчество – *струнное ремесло* (у Царевича).

Сфера-источник отражает ассоциативное богатство поэтического мира М. Цветаевой. Наименова-

ния, связанные с церковно-религиозной сферой, сопровождают прежде всего образ Царевича. Круг колоративов в связи с образом Царь-Девуцы включает золотой и различные оттенки желтого, в связи с образом Царевича значимы серебро и оттенки синего. Объединяет образы соотношенность с белым (символ чистоты) и красным (символ красоты, любви, жертвы). Разнообразно отражен в образах мир природы.

В связи с образом Царь-Девуцы наряду с ключевым наименованием астрономического объекта (*солнце*) отметим динамичные проявления природного мира (*молния, гром, волна*), проявления стихии огня (*огонь, пожар*), наименования объектов растительного и животного мира, подчеркивающие солнечное начало героини, ее мощь, силу любви. В связи с образом Царь-Девуцы мы встречаем немного наименований, связанных с бытовой сферой: героиня не включена в мир обыденный, земной, изначально находится над ним, являясь и уходя по своей воле.

В связи с образом Царевича наряду с ключевым наименованием астрономического объекта (*месяц*) отметим большое количество наименований объектов растительного мира (это фитонимы и их гиперонимы): актуализируется вегетативная семантика, связанная с образом Царевича, подчеркиваются красота, слабость, пассивность. В отличие от представления образа Царь-Девуцы, в связи с образом Царевича очень ярко и детально представлен социально-бытовой аспект: парадоксально совмещаются внешняя включенность героя в мир материальный и внутренняя неприкаянность, тоска по миру лазури.

Квинтэссенция характеристики соотношения образов выражена в видении Царевича: *По грозному небу – как кистью золотой – / Над Ангелом – Воин из стали литой* [23, с. 263]. Дева-спасительница, принеся себя в жертву, освободила душу, принадлежащую миру лазури, от плена мира материального.

Эстетическое содержание сравнений, употребленных в поэме-сказке «Царь-Девуца» неисчерпаемо. Однако анализ сравнений на основе подходов коммуникативной стилистики текста и когнитивной лингвистики позволяет охарактеризовать сравнения как семантико-стилистическую систему, приоткрывающую тайны этого бездонного мира.

Список литературы

1. Фагуно Ж. Мифологизм и теологизм Цветаевой («Магдалина» – «Царь-Девуца» – «Переулочки») // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1985. Bd. 18. 414 с.
2. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: ЛГУ, 1989. 264 с.
3. Тарасов А. Б. Мир «лазури» в поэмах М. Цветаевой. URL: https://portal-slovo.ru/philology/37188.php?ELEMENT_ID=37188 (дата обращения: 25.11.2018).
4. Зусева-Озкан В. Б. Образ воительницы в поэме «Царь-Девуца»: к вопросу о характерологии М. Цветаевой (статья первая) // Новый филол. вестник. 2016. № 4 (39). С. 71–86.

5. Зусева-Озкан В. Б. Образ воительницы в поэме «Царь-Девница»: к вопросу о характерологии М. Цветаевой (статья вторая) // Новый филол. вестник. 2017. № 1 (40). С. 105–118.
6. Зусева-Озкан В. Б. Образ девы-воительницы в творчестве М. И. Цветаевой // Русская литература. 2017. № 4. С. 212–228.
7. Рамазанова Л. М., Божкова Г.Н. Трансформация мифа о великом грешнике в поэмах М. И. Цветаевой «Чародей», «Царь-Девница», «Егорушка» // Научно-практ. электронный журн. «Аллея науки». 2017. № 8. URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/Journal_April_2017/TRANSFORMACIYa%20MIFA%20O%20VELIKOM%20GRESHNIKE%20V%20POEMAH%20M.%20I.%20CVETAEOVY%20CHARODEY_%20_CAR-DEVICA_%20_EGORUSHKA_.pdf
8. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2007. 448 с.
9. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1969. 262 с.
10. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М.: Оникс 21 век; Мир и образование, 2003. 384 с.
11. Сыпченко С. В. Компаративные тропы как регулятивное средство в поэтических текстах Н. Гумилёва // Болотнова Н. С. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль; под ред. Н. С. Болотновой. Томск: ТГПУ, 2001. С. 99–111.
12. Сыпченко С. В. Сравнение в лексической структуре поэтических текстов Н. Гумилёва // Русский язык в современном культурном пространстве: материалы юбилейных конференций, посвященных 100-летию ТГПУ и 70-летию филологического факультета ТГПУ (2–3 ноября 2000 г.); под ред. Н. С. Болотновой. Томск: ТГПУ, 2000. С. 103–109.
13. Прокуденко Н. А. Компаративная картина войны в повести В. Астафьева «Последний поклон» // Художественный текст и языковая личность: материалы III Всерос. науч. конф., посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики ТГПУ (29–30 октября 2003); под ред. Н. С. Болотновой. Томск: ТГПУ, 2003. С. 187–192.
14. Прокуденко Н. А. Прием «компаративного умножения» в повести В. П. Астафьева «Последний поклон» // Художественный текст и языковая личность: материалы IV Всерос. науч. конф. (27–28 октября 2005 г.); под ред. Н. С. Болотновой. Томск: ТГПУ, 2005. С. 223–229.
15. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сб.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
16. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 19–35.
17. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. Томск: ТГПУ, 2008. 384 с.
18. Бабенко И. И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 25 с.
19. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: ассоциативные нормы как фактор текстообразования // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 9 (150). С. 32–39.
20. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. 816 с.
21. Ревзина О. Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Поэтика и стилистика: 1988–1990. М.: Наука, 1991. С. 172–192.
22. Ревзина О. Г. Марина Цветаева // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей. М.: Наследие, 1995. С. 305–362.
23. Цветаева М. И. Царь-Девница // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 190–279.
24. Dinega A. W. A Russian Psyche. The Poetic Mind of Marina Tsvetaeva. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2001. 304 p.
25. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.

Пушкарева Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета (ул. Циолковского, 23, Новокузнецк, Россия, 654041). E-mail: irina_pushkareva2016@mail.ru

Козина Виктория Владимировна, студент, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета (ул. Циолковского, 23, Новокузнецк, Россия, 654041). E-mail: irina_pushkareva2016@mail.ru

Материал поступил в редакцию 04.02.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-31-40

IMAGES OF CHARACTERS OF THE FAIRY-TALE POEM “THE MAIDEN TSAR” (“TSAR’-DEVITSA”) BY M. I. TSVETAEVA IN THE MIRROR OF COMPARISONS: THE MAIDEN TSAR AND TSAREVITCH

I. A. Pushkareva, V. V. Kozina

Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation

The article examines the semantic and stylistic system of comparisons in the fairy-tale poem “The Maiden Tsar” by M. I. Tsvetaeva. The purpose of the article is to compare features of the source domain and the target domain corre-

sponding to the comparisons in the fairy-tale poem of M. Tsvetaeva with the features of the images of The Maiden Tsar and Tsarevitch.

The cognitive theory of the metaphorical speech and the theory of the literary word associativity developed in the communicative stylistics of text are the basis of the analysis of comparisons. In relation to comparisons, target domain (A) is a compared object, its semantic features, while source domain (B) is an object, with which A is compared. In the consciousness of an addresser, source domain is a reaction to the target domain, while, in the consciousness of an addressee, it is an incentive to form the associative field of the target domain. As one of the most important characteristics of the literary word, associativity allows the addresser and the addressee to compare two domains (A and B) on a definite basis (C), which becomes a key to the aesthetic sense.

The analysis includes semantic and stylistic, statistic and stylistic methods. The system of comparisons reflects the important characteristics of the key images of the poem. It concerns not only means of expression of the comparison (for example, Ablative of Comparison expressing brightness, sharpness, and dynamism plays a great role in the representation of The Maiden Tsar, while conjunctions of comparison with unreal modality expressing that the character is lost and incompatible with material world are significant in the realization of the image of Tsarevitch), but also the comparison of the target domain and source domain.

The following conclusions are the result of the research: in the comparison of the target domain of comparisons representing The Maiden Tsar and Tsarevitch, the integral semantic feature is the unusualness of characters belonging to another world. However, they have different nature of this belonging: The Maiden Tsar has the solar one (semantics of life, energy, warmth), while Tsarevitch has the lunar one (semantics of unreality, physical weakness, cold). Comparison of the other semantic characteristics of the target domain (a type of beauty and strength) occurs according to this central opposition. The differentiation of images according to the characteristics of the target domain includes the difference of such semantic dominants as the strength of love (in the image of The Maiden Tsar) and creativity (in the image of Tsarevitch).

Source domain reflects the associative richness of the poetic world of M. Tsvetaeva. Aesthetic content of the comparisons of M. Tsvetaeva is endless. However, the analysis of comparisons based on the approaches of communicative stylistics of text and cognitive linguistics makes it possible to describe comparisons as the semantic and stylistic system.

Keywords: *idiostyle of M. Tsvetaeva, fairy-tale poem "The Maiden Tsar", comparison, source domain, target domain.*

References

1. Faryno J. Mifologizm i teologizm Tsvetaevoy ("Magdalena" – "Tsar'-Devitsa" – "Pereulochki") [Mythologism and theologism of Tsvetaeva ("Magdalene" – "The Maiden Tsar" – "Lanes"]. *Wiener Slavistischer Almanach*, 1985, no. 18, 414 p. (in Russian).
2. Zubova L. V. *Poeziya Mariny Tsvetaevoy. Lingvisticheskiy aspekt* [Poetry of Marina Tsvetaeva. Linguistic aspect]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1989. 264 p. (in Russian).
3. Tarasov A. B. *Mir "lazuri" v poemakh M. Tsvetaevoy* [The world of "azure" in the poems by M. Tsvetaeva] (in Russian). URL: https://portal-slovo.ru/philology/37188.php?ELEMENT_ID=37188 (accessed 25 November 2018).
4. Zuseva-Ozkan V. B. *Obraz voitel'nitsy v poeme "Tsar'-Devitsa": k voprosu o kharakterologii M. Tsvetaevoy (stat'ya pervaya)* [The image of the female warrior in the poem "The Maiden Tsar": to the issue of the characterology of M. Tsvetaeva (the first article)]. *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*, 2016, no. 4 (39), pp. 71–86 (in Russian).
5. Zuseva-Ozkan V. B. *Obraz voitel'nitsy v poeme "Tsar'-Devitsa": k voprosu o kharakterologii M. Tsvetaevoy (stat'ya vtoraya)* [The image of the female warrior in the poem "The Maiden Tsar": to the issue of the characterology of M. Tsvetaeva (the second article)]. *Novyy filologicheskyy vestnik – New philological bulletin*, 2017, no. 1 (40), pp. 105–118 (in Russian).
6. Zuseva-Ozkan V. B. *Obraz devy-voitel'nitsy v tvorchestve M. I. Tsvetaevoy* [The image of the maiden-warrior in the creativity of M. I. Tsvetaeva]. *Russkaya literatura – Russian Literature*, 2017, no. 4, pp. 212–228 (in Russian).
7. Ramazanova L. M., Bozhkova G. N. *Transformatsiya mifa o velikom greshnike v poemakh M. I. Tsvetaevoy "Charodey", "Tsar'-Devitsa", "Egorushka"* [Transformation of the myth of the great sinner in the poems "The Sorcerer", "The Maiden Tsar", "Egorushka" by M. I. Tsvetaeva]. *Nauchno-prakticheskyy elektronnyy zhurnal "Alleya nauki" – Research-practical electronic journal "Science Alley"*, 2017, no. 8 (in Russian). URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/Journal_April_2017/TRANSFORMACIYa%20MIFA%20O%20VELIKOM%20GRESHNIKE%20V%20POEMAH%20M.%20I.%20CVETAEOY%20_ChARODEY_,%20_CAR-DEVICA_,%20_EGORUSHKA_.pdf.
8. Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Ayris-press Publ., 2007. 448 p. (in Russian).
9. Efimov A. I. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1969. 262 p. (in Russian).
10. Rozental' D. E. *Spravochnik po russkomu yazyku. Prakticheskaya stilistika* [The Russian language reference book. Practical stylistics]. Moscow, Oniks 21 vek Publ., Mir i obrazovaniye Publ., 2003. 384 p. (in Russian).
11. Sypchenko S. V. *Komparativnye tropy kak regulativnoye sredstvo v poeticheskikh tekstakh N. Gumileva* [Comparative tropes as a regulative means in the poetic texts by N. Gumilev]. Bolotnova N. S. et al. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiostil'*. Pod red. N. S. Bolotnovoy [Communicative stylistics of the literary text: lexical structure and idiostyle. Ed. N. S. Bolotnova]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2001. Pp. 99–111 (in Russian).
12. Sypchenko S. V. *Sravneniye v leksicheskoy structure poeticheskikh tekstov N. Gumileva* [Comparison in the lexical structure of the poetic texts by N. Gumilev]. *Russkiy yazyk v sovremennom kul'turnom prostranstve: materialy yubileynykh konferentsiy, posvyashchennykh 100-letiyu TGPU i 70-letiyu filologicheskogo fakul'teta TGPU (2–3 noyabrya 2000 g.)*; pod red. N. S. Bolotnovoy [The Russian Language in the Modern Cultural

Space: materials of the anniversary conferences dedicated to the 100 years anniversary of TSPU and 70 years anniversary of the Philological Faculty of TSPU (2–3 November 2000); edited by N. S. Bolotnova]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2000. Pp. 103–109 (in Russian).

13. Prokudenko N. A. Komparativnaya kartina voyny v povesti V. Astaf'yeva "Posledniy poklon" [Comparative scene of war in the story "The Last Bow" by V. Astaf'yev]. *Khudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost': materialy III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu kafedry sovremennogo russkogo yazyka i stilistiki TGPU (29–30 oktyabrya 2003 g.)*; pod red. N. S. Bolotnoy [Literary Text and Linguistic Personality: materials of the III Russian National Research Conference dedicated to the 10 years anniversary of the Modern Russian Language and Stylistics Department of Tomsk State Pedagogical University (29–30 October 2003); edited by N. S. Bolotnova]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2003. Pp. 187–192 (in Russian).
14. Prokudenko N. A. Priyem "komparativnogo umnozheniya" v povesti V. P. Astaf'yeva "Posledniy poklon" [The device of "comparative multiplication" in the story "The Last Bow" by V. Astaf'yev]. *Khudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost': materialy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (27–28 oktyabrya 2005 g.)*; pod red. N. S. Bolotnoy [Literary Text and Linguistic Personality: materials of the IV Russian National Research Conference (27–28 October 2005); edited by N. S. Bolotnova]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2005. Pp. 223–229 (in Russian).
15. Lakoff D. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. *Teoriya metafor: sbornik*; pod red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy [Metaphor Theory: collection of works; edited by N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya]. Moscow, Progress Publ., 1990. Pp. 387–415 (in Russian).
16. Budayev E. V. Stanovleniye kognitivnoy teorii metafori [Development of the metaphor cognitive theory]. *Lingvokul'turologiya – Cultural Linguistics*, 2007, no. 1, pp. 19–35 (in Russian).
17. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of text: thesaurus dictionary]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
18. Babenko I. I. *Kommunikativnyy potentsial slova i ego otrazheniye v lirike M. I. Tsvetaevoy*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Communicative potential of the word and its reflection in the lyrics by M. I. Tsvetaeva. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2001. 25 p. (in Russian).
19. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: assotsiativnye normy kak faktor tekstoobrazovaniya* [Communicative stylistics of text: associative norms as a factor of the text formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, vol. 9 (150), pp. 32–39 (in Russian).
20. Saakyants A. *Marina Tsvetaeva. Zhizn' i tvorchestvo* [Marina Tsvetaeva. Life and creativity]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1997. 816 p. (in Russian).
21. Revzina O. G. *Sobstvennyye imena v poeticheskom idiolekte M. Tsvetaevoy* [Proper nouns in the poetic idiolect of M. Tsvetaeva]. *Poetika i stilistika: 1988–1990* [Poetics and stylistics: 1988–1990]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Pp. 172–192 (in Russian).
22. Revzina O. G. *Marina Tsvetaeva* [Marina Tsvetaeva]. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Opyty opisaniya idiosstiley* [Essays on the history of language of the 20th century Russian poetry. Idiostyles description experiences]. Moscow, Naslediye Publ., 1995. Pp. 305–362 (in Russian).
23. Tsvetaeva M. I. *Tsar'-Devitsa* [The Maiden Tsar]. *Sobraniye sochineniy v 7 tomakh. T. 3: Poemy, Dramaticheskiye proizvedeniya*; sost., podgot. teksta i komment. A. Saakyants i L. Mukhina [Collection of works in 7 volumes. Vol. 3: Poems. Dramatic works; edited by A. Saakyants and L. Mukhin]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. Pp. 190–279 (in Russian).
24. Dinega A. W. *A Russian Psyche. The Poetic Mind of Marina Tsvetaeva*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2001. 304 p.
25. *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 416 p. (in Russian).

Pushkareva I. A., Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (ul. Tsiolkovskogo, 23, Novokuznetsk, Russian Federation, 654041). E-mail: irina_pushkareva2016@mail.ru

Kozina V. V., Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (ul. Tsiolkovskogo, 23, Novokuznetsk, Russian Federation, 654041). E-mail: irina_pushkareva2016@mail.ru